

Для цитирования: Мельникова Т. Б. Модель экономической интеграции субъектов Российской Федерации. Структура и критерии эффективности // Экономика региона. — 2019. — Т. 15, вып. 4. — С. 1063-1076
<https://doi.org/10.17059/2019-4-8>
 УДК 332.135

Т. Б. Мельникова

Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Севастопольский филиал
 (Севастополь, Российская Федерация; e-mail: tmln82@mail.ru)

МОДЕЛЬ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИНТЕГРАЦИИ СУБЪЕКТОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СТРУКТУРА И КРИТЕРИИ ЭФФЕКТИВНОСТИ¹

Современные технологии формируют новые механизмы накопления и перераспределения капитала, содействуют возрастанию интеграционной роли индивидуума как экономического агента, а также создают условия выхода за рамки системы «центр — периферия» при дифференциации интеграционных процессов. Под воздействием заявленных предпосылок автор поставил цель предложить новую структуру модели экономической интеграции субъектов Российской Федерации и выработать критерии ее эффективности. Данное исследование базируется на методологии новой теории экономических систем, методах эмпирического и статистического исследования и апробировано на данных Центрального Банка России, информационного ресурса «СПАРК», Росстата и портала аналитики социальных сетей. Предлагаемая модель включает в себя объектную, средовую, процессную и предметную экономическую интеграции. Ключевыми объектами экономической интеграции выступают индивидуум и сообщество. Экономическая интеграция невозможна без интеграции сред, к которым можно отнести городское и виртуальное пространство. Проектная экономическая интеграция построена на оценке динамики накопления ресурсов населением и сообществами. Целевым значением эффективности участия региона в процессах экономической интеграции является не превышение 20 % критериев эффективности по каждому типу экономической интеграции. Апробация модели позволила структурировать регионы России по уровню эффективности экономической интеграции. Средовая экономическая интеграция выявлена как одна из наименее проблемных подсистем для всех субъектов. Для большей части регионов России характерно недоиспользование потенциала процессной экономической интеграции, что проявляется либо в низкой эффективности внутренней федеральной миграции трудовых ресурсов, либо в интеграционной пассивности местного населения. Треть субъектов, наоборот, находятся под влиянием процессов интеграции. Анализ эффективности результатов проектной экономической интеграции свидетельствует о разделении большинства регионов России на две большие группы. Одна показывает достижение критерия эффективности, а для другой группы характерно превалирование интенсивности накопления капитала населением над накоплением капиталов организациями.

Ключевые слова: регион, накопление капитала, мобильность трудовых ресурсов, пространство, экономическая система, экономическая безопасность, процессная экономическая интеграция, объектная экономическая интеграция, средовая экономическая интеграция, проектная экономическая интеграция

Введение

В Стратегии экономической безопасности Российской Федерации представлен показатель «уровень экономической интеграции субъектов Российской Федерации»², который при своем практическом измерении выводит

нас в плоскость не только экономических, но и политических, географических и философских изысканий: какой смысл содержит экономическая интеграция территориальных образований Российской Федерации в едином экономическом пространстве и возможно ли оценить уровень ее эффективности?

В мае 2018 г. в печать вышла монография «Рождение государства: Московская Русь XV–XVI веков», которая обращается к новому осмыслению становления Московского государства, отделяя факт возникновения государственности от причин выполнения Московским княжеством функций «собираателя

¹ © Мельникова Т. Б. Текст. 2019.

² О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года. Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы Консультант: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_216629/ (дата обращения 28.07.2018 года).

земель» [1]. На первый взгляд, труд по истории имеет мало общего с экономической интеграцией, однако в свете рассмотрения интеграции как объединения в целое каких-либо частей [2] «собрание земель русских» есть не что иное, как первое проявление социально-экономической и политической интеграции территорий в России. Обращение в XXI в. к данной проблематике говорит о неугасаемом интересе к изучению факторов воссоединения и эффективного сосуществования территорий в рамках национального пространства России.

Если возвратиться к концу 1990-х гг. и на основе мемуаров премьер-министра России того периода Е.М. Примакова проанализировать причины потенциального нарушения целостности российского государства, то можно выделить шесть основных проблем, с которыми столкнулось руководство страны: недопущение превращения руководителей регионов России в «удельных князей», сохранение национальной идентичности, сохранение единого экономического пространства при большей экономической самостоятельности, соотношение федеральной, региональной и муниципальной собственности, соотношение межбюджетных трансфертов и предотвращение межрегиональных конфликтов [3].

С середины 2000-х гг. вновь произошел пересмотр интеграционных процессов — фактически произошла передача обязательств по поддержанию динамического равновесия в национальной экономике на региональный уровень [4].

Такие исторические иллюстрации свидетельствуют о постоянном поиске эффективных механизмов интеграции территории России в единое экономическое, социальное, политическое, культурное пространство.

Вполне вероятно, что найти универсальный подход к оценке эффективного уровня экономической интеграции достаточно сложно, ввиду того, что в основе эффективного уровня интеграции лежит неразрешимая философская дилемма о первичности частного или целого. Однако в нашей работе мы попытаемся сформировать свое видение данного явления.

Теория

Отечественные и зарубежные теоретические изыскания в части экономической интеграции регионов можно условно разделить на несколько течений, а именно: межрегиональное взаимодействие, исследование агломерационных эффектов и пространственного развития, саморазвитие регионов, сближение

уровней их социально-экономического развития, а также исследования вопросов экономической безопасности регионов. Между тем, в научных трудах наблюдается все нарастающее сопряжение различных подходов.

Концепция «саморазвития регионов», разработанная под руководством академика А.И. Татаркина, исходит из того, что стабильность России должна основываться на интеграции и кооперации ее территорий, обладающих большей самостоятельностью. При этом саморазвитие регионов возможно только в условиях создания соответствующей макросреды, что предопределяет необходимость большей увязки приоритетов федерального и регионального значения [5].

На практике на федеральном уровне вырабатывается позиция относительно того, в каком направлении (Восточном или Западном) регионам России следует осуществлять свою внешнюю политику, в том числе в каких сферах желательно развивать отношения со странами Запада, а в каких — со странами Востока. При самостоятельном выборе регионами России вектора внешней политики (восточного или западного) могут не учитываться интересы других субъектов РФ. Например, может возникнуть ситуация излишней конкуренции за одни и те же инвестиционные ресурсы. В результате не будет достигаться сбалансированное включение (или интеграция) субъектов РФ в единое экономическое пространство.

Теоретические основы школы саморазвития регионов нашли развитие в работах российских ученых. Можно отметить труды, связанные с поиском возможностей повышения потенциала саморазвития территорий на основе концепции агломераций [6].

В начале 2000-х гг. под редакцией академика П.А. Минакира были изданы комплексные исследования экономической интеграции, в которых интеграция рассматривалась как тройственная составляющая, включающая состояние связанности, причинно-следственную связь деятельности по объединению экономических субъектов, а также синергетический эффект от новой экономической целостности [7, 8].

Группа отечественных и зарубежных ученых рассматривает экономическую интеграцию регионов как процесс конвергенции, взаимного сближения социально-экономических систем регионов, их экономической политики с целью получения положительных синергетических эффектов не только для интегрирующихся регионов, но и для всей страны в целом [9].

В недавней работе испанских ученых исследуется и подтверждается взаимозависимость между агломерационными эффектами и региональным экономическим ростом испанских провинций за период 1870–1930-х гг. Исследование показало, что увеличение регионального экономического неравенства было обусловлено, с одной стороны, неравными первоначальными положениями кумулятивных факторов производства, таких как человеческий капитал, а с другой стороны, еще большим углублением первоначальных экономических различий между территориями вследствие агломерационных эффектов и последующих разных темпов роста. Более того, в той же статье приводится вывод, что при определенном уровне доходов на душу населения взаимосвязь между агломерационными эффектами и экономическим ростом исчезает или становится отрицательной [10].

Существуют и научные достижения в части экономической безопасности регионов. Авторы исследования «Формирование каркаса экономической безопасности в аспекте обеспечения устойчивого развития региона» [11] обращают внимание на необходимость более глубокого анализа экономической, экологической, продовольственной, информационной и технологической безопасности каждого региона. Ввиду того, что регион подвержен внутренним и внешним угрозам, отдельными учеными разработаны подходы к диагностике рисков, которые дифференцируются на риски благосостояния личности и территории проживания [12].

Говоря о рисках, мы также сталкиваемся с понятием территориальной конкуренции и естественным желанием «поддерживать некоторые самоограничения территорий при организации конкурентного сотрудничества», о чем делают выводы отдельные российские исследователи [13].

Среди подходов к оценке эффективности экономической интеграции можно выделить работы французских авторов¹, в которых освещаются подходы к оценке внутренней экономической согласованности между регионами Франции [14]. В частности, используются два показателя: миграция трудовых ресурсов, построенная на анализе перемещений «дом — работа», и уровень связей между акционерами, который рассчитывается на основе данных о

географической привязке компаний и их акционеров. В результате исследователи предлагают тройственный подход, включающий уровень связанности региона (регион считается взаимосвязанным, если менее 25 % связей входящих в него департаментов построены на взаимоотношениях с департаментами в других регионах), уровень экономической интеграции (интенсивность трудовой миграции и внутрирегиональных финансовых связей), а также уровень открытости (интенсивность межрегиональных финансовых связей).

В трудах российских исследователей для оценки межрегиональной связанности, в частности, используются подходы, основанные на оценке потенциала экономико-географического положения регионов по отношению к российским региональным рынкам с использованием данных о валовом региональном продукте и расстояния между субъектами России [15]. Кроме того, в рамках оценки эффективности создания макрорегионов предлагается уровень экономической интеграции измерять через коэффициент синхронизации, основанный на коэффициентах парной корреляции темпов прироста ВРП [16, 17].

Нам представляется, что синтезируя вышеперечисленные достижения научного сообщества, важно продолжить полемику вокруг эффективного уровня экономической интеграции субъектов Российской Федерации исходя из трех предпосылок.

Предпосылка № 1. Дифференциация экономической интеграции по накоплению капитала. Ретроспективный анализ сосуществования территорий внутри России показывает, что потребности регионов периодически имели тенденцию уходить в плоскость накопления капитала и тяготели к проявлению «индивидуальности» вне зависимости от благоприятных или неблагоприятных условий. В свое время С.Ю. Витте так писал об индивидуальности в рамках крестьянского вопроса в России: «Общинное владение есть стадия только известного момента жития народов, с развитием культуры и государственности оно неизбежно должно переходить в индивидуализм — в индивидуальную собственность; если же этот процесс задерживается, и в особенности искусственно, как это было у нас, то народ и государство ослабевают. ... Одна и, может быть, главная причина нашей революции — это запоздание в развитии принципа индивидуальности, а, следовательно, и сознания собственности и потребности гражданственности, а в том числе и гражданской свободы» [18].

¹ Отчет о территориальной сплоченности [Электронный ресурс]. URL: https://www.cget.gouv.fr/sites/cget.gouv.fr/files/atoms/files/rapport-cohesion-france_juillet-2018.pdf (дата обращения 10.12.2018).

Несмотря на то, что в данном отрывке речь идет не о пространственной структуре государства, а о принципах ведения хозяйства, на наш взгляд, высказана ключевая мысль: естественное развитие общества тяготеет к развитию процессов выделения из общей массы.

Предпосылка № 2. Объектная дифференциация экономической интеграции. С развитием интернета и становлением цифровой экономики экономическая деятельность человека, умные города и агломерационные пространства выходят на более высокий уровень в рамках экономической интеграции регионов, что облегчает процессы установления взаимосвязанности, но усложняет понимание объекта оценки экономической интеграции регионов и функциональности применения валового регионального продукта в качестве индикатора согласованности развития территорий.

Предпосылка № 3. Территориальная дифференциация экономической интеграции. Возвращаясь к «собираю земель русских» нельзя не заметить, что процесс восстановления единства страны связан с «окраинными, пограничными движениями и территориями со смешанным населением», как замечают отдельные исследователи [19]. Данный факт смещает акцент экономической интеграции с единого подхода ко всем субъектам к отдельному подходу для групп субъектов. При этом определение таких групп выходит за рамки подхода «центр — периферия».

Данные и методы

Сформированные предпосылки исследования позволяют обратиться к новой теории экономических систем Г.Б. Клейнера и взять ее за основу в качестве методологии научного исследования [20]. Согласно данной теории, группировка экономических систем в тетраду «объект — среда — процесс — продукт» максимально приближает экономику к устойчивости.

Для апробации предлагаемой модели эффективного уровня экономической интеграции нами разработана группа показателей.

1. Сетевая связанность городов ($I_{Г_i}$). Показатель измеряется на основе данных портала аналитики LiveDune¹ и интегрирует в себе данные об аккаунтах пользователей и групп «ВКонтакте» 100 городов Российской Федерации, сгруппированных по наибольшему количеству пользователей.

¹ Портал аналитики социальных сетей LiveDune [Электронный ресурс]. URL: <https://livedune.ru/vk/city> (дата обращения 10.12. 2018 года).

$$I_{Г_i} = \frac{S_{b_i}}{N_i} \times 100\%, \quad (1)$$

где $I_{Г_i}$ — сетевая связанность жителей города i (%); S_{b_i} — количество блогеров «ВКонтакте» в городе i ; N_i — численность населения в городе i .

$$I_{Г_{c_i}} = \frac{S_{c_i}}{N_i} \times 100\%, \quad (2)$$

где $I_{Г_{c_i}}$ — сетевая связанность сообществ города i (%); S_{c_i} — количество групп «ВКонтакте» в городе i ; N_i — численность населения в городе i .

2. Интенсивность накопления капитала в регионе (A_k). Накопление капитала в субъектах России представим через два показателя: интенсивность накопления капитала населением и интенсивность накопления капитала организациями.

Интенсивность накопления капитала населением ($A_{k_{H_i}}$) рассчитывается по следующей формуле на основе данных Центрального Банка России² и «Информационного ресурса „СПАРК“»³:

$$A_{k_{H_i}} = \frac{V_{d_i}}{V_{p_i}} \times 100, \quad (3)$$

где V_{d_i} — объем привлеченных вкладов населения за текущий год в регионе i ; V_{p_i} — объем прибыли организаций за текущий год в регионе i .

Интенсивность накопления капитала организациями ($A_{k_{B_i}}$) включает в себя расчет доли организаций региона, имеющих рентабельность свыше 20 %. Показатель построен на материалах издания «Информационного ресурса „СПАРК“» и интересен тем, что показывает потенциал территории субъекта с позиции высоко-рентабельного бизнеса.

$$A_{k_{B_i}} = \frac{BR_i}{B_i} \times 100\%, \quad (4)$$

где BR_i — количество организаций региона i , показывающих в текущем периоде уровень рентабельности свыше 20 %; B_i — общее количество предприятий региона i , сгруппированных по уровням рентабельности.

² Портал Центрального Банка Российской Федерации. Раздел Статистика. Подраздел Сведения о размещенных и привлеченных средствах [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cbr.ru/statistics/?PrId=sors> (дата обращения 10.12. 2018 года)

³ Портал сетевого издания «Информационный ресурс „СПАРК“» [Электронный ресурс]. URL: <http://spark-interfax.ru/ru/statistics> (дата обращения 10.12.2018 года)

3. *Мобильность трудовых ресурсов* (L_m). В целях оценки эффективности экономической интеграции сформируем два показателя: внешняя федеральная ($L_{m_{ext}}$) и внутренняя федеральная ($L_{m_{int}}$) мобильность трудовых ресурсов. Информационная база исследования основана на данных межрегиональных матриц миграции занятого населения Российской Федерации¹.

$$L_{m_{ext}} = \frac{L_{ij}}{L_i}, \quad (5)$$

где L_{ij} — общее количество граждан, выехавших из региона проживания i на основную работу в регион j , расположенный в федеральных округах, отличных от региона проживания; L_i — общее количество граждан, выехавших за пределы региона проживания i на основную работу.

$$L_{m_{int}} = \frac{L_{ji}}{L_j}, \quad (6)$$

где L_{ji} — общее количество граждан, въехавших в регион j на основную работу из региона проживания i , расположенного в федеральных округах, отличных от региона основной работы; L_j — общее количество граждан, въехавших в регион j на основную работу.

Модель

Экономическая интеграция — воссоединение в рамках единого целого его составных частей — фактически выступает как подсистема единого экономического пространства России и, согласно выбранной нами методологии, модель эффективного уровня экономической интеграции может быть представлена в виде тетрады.

Объектная экономическая интеграция. В соответствии с логикой новой теории экономических систем базовой функцией объектной системы является производство. В нашем понимании ключевыми объектами, которые участвуют в «производстве» экономической интеграции, являются человек и сообщество. Повышение влияния этих двух подсистем на выполнение целевых установок интеграции, заключающихся в формировании общей выгоды, выходит за рамки региона, формируя межрегиональные сети. К сообществам мы от-

носим любое объединение людей с общими социальными, экономическими, экологическими и другими целями, соответственно, они могут принимать форму, например, предприятия, общественного объединения, группы в социальных сетях и др.

Для иллюстрации сравним динамику двух показателей: удельного веса вкладов физических лиц субъекта России в суммарном общероссийском объеме вкладов (далее — доля субъекта России по вкладам населения) и удельного веса валового регионального продукта субъекта России в суммарном объеме валовых региональных продуктов регионов России (далее — доля субъекта России в суммарном ВРП).

Проведен сравнительный анализ изменения каждого показателя в 2014 г. в сравнении с 2013 г., и в 2013 г. в сравнении с 2010 г. Задача заключалась в оценке влияния внешнего толчка на изменения в едином экономическом пространстве. В результате выявлено, что геополитические события 2014 г. повлекли за собой трехкратное увеличение количества субъектов, которые либо снизили (с 5 до 15), либо увеличили (с 3 до 9) свою долю в общероссийском объеме вкладов населения. Соответственно, сократилось число субъектов, в которых изменения по данному показателю не произошли (стремились к нулю) (табл. 1). Анализ субъектовой структуры суммарного ВРП показал противоположные тенденции. Количество регионов, чьи позиции по доле в суммарном ВРП изменились в 2014 г. по отношению к 2013 г., сократилось.

Можно отметить, что возрастающая виртуальная связанность субъектов России, которая расширяет возможности удаленной занятости и самозанятости населения, провоцирует на фоне относительной стабильности доли ВРП, большую подвижность накоплений, что может иметь как положительные, так и отрицательные последствия.

Средовая экономическая интеграция. Вдохновляясь научным подходом французского философа А. Лефевра, приведем некоторые соображения о пространстве как сути средовой экономической интеграции. Пространственная практика, репрезентации пространства и пространства репрезентации — триада, которая дает более полное представление о значении пространства для жизни общества и вводящее его в политэкономический аппарат наряду с землей, трудом и капиталом, закрепляя за ним функцию производства [21].

Интернет создал новое пространство, поэтому предметом исследования средовой эко-

¹ Межрегиональные матрицы миграции занятого населения выполнены в рамках аналитического проекта «Мониторинг рынка труда» Ситуационным центром социально-экономического развития регионов Российской Федерации Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова на базе обследования рынка труда, ежегодно проводимого Росстатом.

Изменение количества субъектов Российской Федерации по вкладам населения и суммарному ВРП в 2013–2014 гг.

Тип изменений	Количество субъектов России исходя из доли по вкладам населения		Количество субъектов России исходя из доли в суммарном ВРП	
	2014/2013	2013/2010	2014/2013	2013/2010
Рост показателя	9	3	10	14
Падение показателя	15	5	11	15
Изменений не наблюдалось	59	77	62	54
ВСЕГО	83	83	83	83

Составлено автором по данным Центральный Банк России, Росстат.

номической интеграции является пространство, которое может быть ограничено в одном пространстве и не ограничено — в другом. Примером такого пространства может быть город. Сложившаяся пространственная практика того или иного города отображает текущий уровень производственных отношений и улавливается в таких тенденциях, как различия между центром и окраинами в рамках одного города, присутствие заброшенных зданий, масштаб и качество жилых кварталов и т. д. Однако интерес последнего времени к концепции «умного города», который фактически возобновил научные изыскания в сфере урбанизации, начал формировать новые репрезентации пространства [22]. По сути, умный город — это пространство, ограниченное территорией, но не ограниченное в сетевом пространстве. Однако такие репрезентации коренным образом могут изменить течение экономической интеграции между субъектами России. Во-первых, ввиду дороговизны новшеств не все города способны приобщиться к течению умных городов. Во-вторых, технологии могут сформировать новые пространства репрезентации, то есть иные символы города, что повлечет за собой миграцию населения либо капитала, для которых такой город будет некомфортен.

Другим примером пространства выступает всемирная сеть. Информационные технологии создают новую пространственную связанность. Благодаря интернету знания и ресурсы для реализации трудового потенциала распространяются быстрее и позволяют большому числу жителей начать свое дело, овладеть новым ремеслом, получить удаленную работу. Появившиеся возможности для развития естественной потребности индивидуума в саморазвитии, в обладании индивидуальной собственностью на что-либо, например на свой блог или канал «Ютуб», формируют его как влиятельного игрока не только в рамках региона, но и общества в целом.

В рамках цифровой экономики главное внимание уделяется сетям передачи данных, которые связывают различные места, а поэтому могут повысить «виртуальную» связанность единого экономического пространства России и сократить географическое расстояние между регионами. Вполне вероятно, что субъекты России, в которых наблюдается ограниченный доступ к информации, посредством расширения доступа к интернету и к «оцифрованной информации» смогут сократить расходы на приобретение информации и, соответственно, сократить время заключения контрактов. Это, в свою очередь, расширит возможности выхода компаний данных регионов на новые рынки сбыта и получения прибыли, что, в свою очередь, повысит благосостояние региона.

Однако ввиду того что использование преимуществ цифровых технологий могут позволить себе в основном крупные компании, уровень социально-экономического развития регионов их географического присутствия будет повышаться. Как правило, данные субъекты Российской Федерации уже относятся к регионам-лидерам. Эффект платформы, который специалисты выделяют как одно из последствий цифровой экономики, может привести к концентрации нескольких мощных платформ, доминирующих на своих рынках, что может стать основой для формирования монопольной рыночной власти отдельных регионов.

При этом на почве интернета происходит изменение географической принадлежности интеграции и возникает вопрос о соотношении уровня интеграции объектных систем (человека и сообщества) в единое экономическое пространство России и экономическое пространство других стран.

Процессная экономическая интеграция. Определяющими для экономической интеграции являются процессы мобильности человека и сообществ внутри пространств. Такие процессы стимулируются новыми технологиями, которые, например посредством

3D-принтеров, могут сократить расстояние перемещений товаров и рабочей силы или посредством новых финансовых технологий — наоборот, раздвинуть границы мобильности далеко за пределы одного государства. Меняется и характер мобильности трудовых ресурсов: из практики постепенно ускользает продолжительная занятость в рамках одной организации, а также ее географическая привязка [23]. Экономическая интеграция все более состоит из краткосрочных процессов.

Как отмечают ученые, в общем случае люди более предпочитают преодолевать короткие расстояния, чем длинные, и более склонны находиться в больших пространствах, чем в меньших. Таким образом, большее пребывание в виртуальном пространстве оставляет меньше времени на физическое преодоление расстояний, такие расстояния сокращаются и к ним предъявляются более высокие требования [24]. Удаленная работа, напротив, может создавать условия для позитивного восприятия человеком более длинных физических перемещений [25].

Проектная экономическая интеграция. Проекты способны кардинальным образом переминуть окружающее их материальное и нематериальное пространство. Вновь обращаясь к истории, хотелось бы вспомнить еще об одном интеграционном проекте уже девятнадцатого века — строительстве железной дороги. Великий Сибирский путь, по мнению С.Ю. Витте, имел не только функцию внутренней социально-экономической интеграции территории Сибири в общее пространство Российской империи, но и внешней торговой интеграции с Китаем, Японией и Европой [26]. Проекты территориальной интеграции как основа экономической интеграции всегда будут актуальны для России, так как позволяют достичь большего эффекта объектной экономической интеграции. Именно поэтому железнодорожное строительство получает второе рождение через проекты высокоскоростных и скоростных магистралей уже в XXI в.

Однако при условии выявленных нами предпосылок исследования эффективного уровня экономической интеграции стоит обратить внимание на взаимосвязь проектной экономической интеграции и накопления капитала. Практическая реализация высокоскоростных железных дорог (TGV), например, во Франции столкнулась с ситуацией, когда городская зона Иль-де-Франс отдала часть своего экономического потенциала в города часовой, двух- и трехчасовой доступности от TGV

по причине более благоприятного соотношения цены и качества жизни для горожан. Кроме того, изучая метрополии (городские агломерации) во Франции, французские исследователи обращают внимание на то, что агломерации при общем росте потоков не показывают значительных успехов в накоплении ресурсов в городах [27].

Другим примером накопления в рамках проектов высокоскоростных контейнерных перевозок, уже в международном масштабе, может быть перевес в сторону «дивидендов» для конечных точек железнодорожных маршрутов (например, Китай и Европа) по причине неготовности российских городов вдоль магистралей принять новые возможности, что создаст препятствия для средовой экономической интеграции.

Таким образом, проектная экономическая интеграция, в первую очередь, должна быть связана с соотношением темпов и объемов накопления ресурсов.

Для того чтобы полученную модель приблизить к пониманию эффективного уровня экономической интеграции, сформируем на основе рассмотренных в предыдущем разделе показателей (формулы (1)–(4)) критерии эффективности и их целевые значения (табл. 2). Критерии эффективности каждого типа экономической интеграции опираются на выделенную ключевую характеристику, отображая подход с позиции человека и сообщества.

При определении уровня целевого значения нами выбран единый порог для всех показателей — 20 %. Такой подход применяется в целом ряде отраслей для выявления устойчивости соотношения внешних и внутренних связей, в частности при определении соотношения импорта и экспорта социально значимых продуктов в целях обеспечения продовольственной безопасности страны¹, а также в рамках критериев монопрофильных муниципальных образований².

¹ Об утверждении Доктрины продовольственной безопасности Российской Федерации Указ Президента РФ от 30.01.2010 №120 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы Консультант-Плюс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_96953 (дата обращения 10.12.2018 года).

² О критериях отнесения муниципальных образований к моногородам и о категориях моногородов в зависимости от рисков ухудшения их социально-экономического положения. Постановление Правительства Российской Федерации от 29.07.2014 №709 [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы Консультант-Плюс: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_166538 (дата обращения 10.12.2018).

Ключевые характеристики и критерии эффективности модели эффективного уровня объектной (объект — человек и объект — сообщество) экономической интеграции субъектов Российской Федерации

Тип экономической интеграции	Ключевая характеристика или объект интеграции	Критерий эффективности	Целевое значение
Средовая	Пространство (объект — человек)	Сетевая связанность жителей города	≤ 20 % — эффективный уровень экономической интеграции
	Пространство (объект — сообщество)	Сетевая связанность сообществ города	
Процессная	Мобильность (связанность регионов внутри федерального округа)	Внешняя федеральная мобильность трудовых ресурсов	
	Мобильность (открытость регионов)	Внутренняя федеральная мобильность трудовых ресурсов	
Проектная	Накопление ресурсов (объект — человек)	Интенсивность накопления капитала населением	
	Накопление ресурсов (объект — сообщество)	Интенсивность накопления капитала организациями	

Таким образом, если показатель меньше или равен 20 %, то уровень участия объекта интеграции в конкретном типе экономической интеграции является эффективным.

Интегральный эффективный уровень экономической интеграции представляет собой одновременное достижение целевых показателей средовой, процессной и проектной экономической интеграции, включая исследуемые объекты интеграции. Если по каждому из шести критериев эффективности, представленных в таблице 2, регион не вышел за пределы 20 %, то данный субъект Российской Федерации обладает интегральным эффективным уровнем экономической интеграции. Соответственно, превышение порогового значения (>20 %) свидетельствует о недостаточной реализации интеграционного потенциала в рамках какой-либо составляющей тетрады, что снижает интегральный эффективный уровень экономической интеграции.

Полученные результаты

Анализ аккаунтов пользователей и групп сети «ВКонтакте» по 100 городам Российской Федерации показал, что средовая экономическая интеграция по всем субъектам России находится на эффективном уровне. Средний уровень сетевой связанности жителей города составляет 2 %, сообществ — 1 %, что не выходит за пределы 20 %. Таким образом, интеграция в сетевом пространстве не превалирует над интеграцией в материальном пространстве.

В эту сотню в сотню городов вошли многие административные центры субъектов РФ, при этом ряд регионов был представлен тремя и более городами: Республика Башкортостан (Уфа, Стерлитамак, Нефтекамск, Салават),

Республика Татарстан (Казань, Набережные Челны, Нижнекамск, Альметьевск), Краснодарский край (Краснодар, Сочи, Новороссийск, Анапа), Иркутская область (Иркутск, Ангарск, Братск). Можно говорить о более сильной сетевой связанности внутри данных регионов.

Эффективный уровень процессной экономической интеграции (табл. 3) достигнут в Брянской, Ивановской, Костромской, Курской, Орловской областях, а также в Республике Адыгея и Еврейской автономной области.

Это означает, что средняя доля населения данного субъекта России, выехавшего для основной работы за пределы своего федерального округа, не превышает 20 %. Равно как и средняя доля трудовых ресурсов, которые приняли данные регионы из других федеральных округов, не превышает порогового значения. Например, для Курской области их значения составили соответственно 6 % и 15 %.

Избыточная процессная интеграция наблюдается в 32 субъектах Российской Федерации. В данном случае мобильность рабочей силы в регион и из региона более чем на 20 % состоит из представителей других федеральных округов. Такая ситуация свидетельствует о слабой интеграции внутри федерального округа и формирует неустойчивую базу рабочей силы, которая находится в зависимости от временных и транспортных затрат, что приводит к разбалансировке всей тетрады.

Более близко к эффективному уровню положение регионов из группы «пассивная процессная экономическая интеграция»: связанность внутри федерального округа находится на достаточно высоком уровне. При этом данные субъекты Российской Федерации вызы-

Таблица 3

Эффективный уровень процессной экономической интеграции субъектов Российской Федерации

Уровень экономической интеграции	Субъект Российской Федерации	Достижение целевого значения
Эффективный уровень процессной экономической интеграции	Брянская, Ивановская, Костромская, Курская, Орловская области, Республика Адыгея, Еврейская автономная область	Внешняя федеральная мобильность трудовых ресурсов ≤ 20 %. Внутренняя федеральная мобильность трудовых ресурсов ≤ 20 %
Пассивная процессная экономическая интеграция	Амурская, Архангельская, Владимирская, Воронежская, Калужская, Курганская, Ленинградская, Липецкая, Магаданская, Московская, Новгородская, Псковская, Рязанская, Сахалинская, Свердловская, Смоленская, Тамбовская, Тульская, Тюменская, Челябинская, Ярославская области, город Москва, Чукотский и Ненецкий автономные округа, Хабаровский, Приморский, Камчатский края, Республика Бурятия, Республика Ингушетия	Внешняя федеральная мобильность трудовых ресурсов ≤ 20 %. Внутренняя федеральная мобильность трудовых ресурсов > 20 %
Низкая эффективность внутренней федеральной экономической интеграции	Алтайский край, город Санкт-Петербург, город Севастополь, Карачаево-Черкесская Республика, Чувашская Республика, Кемеровская, Новосибирская, Оренбургская, Самарская, Ульяновская области, Республика Башкортостан, Республика Калмыкия, Республика Марий Эл, Республика Северная Осетия — Алания, Республика Татарстан, Республика Тыва	Внешняя федеральная мобильность трудовых ресурсов > 20 %. Внутренняя федеральная мобильность трудовых ресурсов ≤ 20 %
Избыточная процессная экономическая интеграция	Астраханская, Белгородская, Волгоградская, Вологодская, Иркутская, Калининградская, Кировская, Мурманская, Нижегородская, Омская, Пензенская, Ростовская, Саратовская, Тверская, Томская области, Республика Хакасия, Республика Саха (Якутия), Республика Мордовия, Республика Крым, Республика Коми, Республика Карелия, Республика Дагестан, Республика Алтай, Чеченская Республика, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа, Пермский, Ставропольский, Красноярский, Краснодарский, Забайкальский края	Внешняя федеральная мобильность трудовых ресурсов > 20 %. Внутренняя федеральная мобильность трудовых ресурсов > 20 %

вают повышенный интерес у жителей других регионов как место основной работы.

Для 37 субъектов Российской Федерации проектная экономическая интеграция находится на эффективном уровне: интенсивность накопления капитала организаций и жителей региона не превышает 20 % (табл. 4). В данной связи можно предположить, что регионы не аккумулируют значительные финансовые потоки на своих территориях, а реализуемые проекты позволяют эффективно распределять ресурсы, что держит в балансе объектную экономическую интеграцию, когда объем депозитов населения не превышает 20 % объема прибыли организаций.

Вторая большая группа регионов может быть условно отнесена в категорию человекоориентированной проектной экономической интеграции, где интенсивность накопления финансовых ресурсов на депозитах пре-

вышает 20 % объема прибыли организаций региона. Возможно двоякое прочтение такого результата.

С одной стороны, может иметь место более глубокое участие региона в общем экономическом пространстве, когда источником депозитов выступают другие субъекты Российской Федерации, а прибыль предприятий распределяется в рамках интегрированных структур.

С другой стороны, недостаточно реализуется потенциал региона для генерирования более высоких объемов прибыли, а население не проявляет желания вводить финансовые ресурсы в хозяйственный оборот.

Третья и четвертая группы включают в себя ресурсные регионы, обладающие своими особенностями в части накопления капитала организациями, что более подробно раскрыто в недавней работе российских ученых [28].

Эффективный уровень проектной экономической интеграции субъектов Российской Федерации

Уровень экономической интеграции	Наименование субъекта Российской Федерации	Достижение целевого значения
Эффективный уровень проектной экономической интеграции	Астраханская, Белгородская, Волгоградская, Вологодская, Иркутская, Калининградская, Калужская, Кемеровская, Курская, Ленинградская, Липецкая, Московская, Мурманская, Новгородская, Оренбургская, Томская, Свердловская, Саратовская, Самарская, Тюменская, Челябинская области, Пермский, Хабаровский, Красноярский, Краснодарский края, Республика Адыгея, Республика Алтай, Республика Башкортостан, Республика Ингушетия, Республика Карелия, Республика Крым, Республика Татарстан, Республика Тыва, Хакасия, Удмуртская Республика, города Москва и Санкт-Петербург	Интенсивность накопления капитала организациями ≤ 20 %. Интенсивность накопления капитала населением ≤ 20 %
Человекоориентированная проектная экономическая интеграция	Алтайский, Забайкальский, Приморский, Ставропольский края, Амурская, Архангельская, Брянская, Владимирская, Воронежская, Ивановская, Кировская, Костромская, Курганская, Нижегородская, Новосибирская, Омская, Орловская, Пензенская, Псковская, Ростовская, Рязанская, Смоленская, Тверская, Тамбовская, Тульская, Ульяновская, Ярославская области, Чувашская Республика, Карачаево-Черкесская Республика, Кабардино-Балкарская Республика, Республика Северная Осетия — Алания, Республика Мордовия, Республика Марий Эл, Республика Калмыкия, Республика Дагестан, Еврейская автономная область, город Севастополь	Интенсивность накопления капитала организациями ≤ 20 %. Интенсивность накопления капитала населением > 20 %
Сообществоориентированная проектная экономическая интеграция	Камчатский край, Республика Коми, Республика Саха (Якутия), Сахалинская область	Интенсивность накопления капитала организациями > 20 %. Интенсивность накопления капитала населением ≤ 20 %
Низкая эффективность проектной экономической интеграции	Магаданская область, Республика Бурятия, Чеченская Республика, Чукотский автономный округ	Интенсивность накопления капитала организациями > 20 %. Интенсивность накопления капитала населением > 20 %

Однако если для Камчатского края, Республики Коми, Республики Саха (Якутия) и также Сахалинской области накопление капитала населением региона не превышает 20 % объема прибыли, то Магаданская область, Республика Бурятия, Чеченская Республика и Чукотский автономный округ являются плацдармами для большого объема депозитов населения и значительного числа организаций, чья рентабельность превышает 20 %.

Заключение

Модель эффективного уровня экономической интеграции субъектов Российской Федерации, выработанная на основе новой теории экономических систем, иллюстрируется

как система объектной, средовой, процессной и проектной экономической интеграции. Соответственно, в рамках каждого типа экономической интеграции произведен выбор критериев эффективности и выработан единый целевой уровень (не более 20 %).

Практическая апробация модели на данных 2017 г. позволила выявить, что только два субъекта Российской Федерации находятся в состоянии интегрального эффективного уровня экономической интеграции — Курская область и Республика Адыгея. Целевое значение по всем шести критериям эффективности для данных регионов не превышает 20 %. Для обоих субъектов России объем привлеченных вкладов населения составляет 17 % от общего

объема прибыли организаций в исследуемом периоде. Происходит это на фоне достаточно невысокой доли предприятий с уровнем рентабельности свыше 20 %: в Курской области — 13 %, в Республике Адыгея — 14 % (среднероссийский уровень — 15 %). Регионы эффективно интегрированы в финансово-экономическое пространство страны, что позволяет генерировать достаточный объем прибыли и доходов населения. Этому способствует, вероятно, эффективный уровень процессной экономической интеграции. Наблюдается преобладающая роль взаимосвязей внутри федерального округа (для Курской области — только 6 % общего количество трудовых ресурсов, выехавших из региона на работу, направились в иные федеральные округа, для Республики Адыгея — 3 %), что создает более комфортный рынок труда. Уровень средовой экономической интеграции данных регионов, не превышающий 20 %, обладает тем преимуществом, что интеграция в мировое пространство посредством

интернета не преобладает над внутренней интеграцией.

Остальные регионы России имеют отклонения в сторону проектной или процессной подсистем тетрады. Средовая экономическая интеграция находится в норме у всех субъектов Российской Федерации и имеет значительный потенциал для интенсификации.

Предлагаемая модель позволяет уйти от рассмотрения экономической интеграции субъектов Российской Федерации через систему «валовых показателей», а применить более локализованный подход. Таким образом, эффективный уровень экономической интеграции субъектов России построен на интеграции конкретных объектов (людей и сообществ) и сред (город, виртуальное пространство), при этом учитывается связанность регионов России как внутри федерального округа, так и в общероссийском пространстве, а также интенсивность накопления ресурсов жителями и организациями рассматриваемой территории.

Список источников

1. Кром М. М. Рождение государства. Московская Русь XV–XVI веков. — М.: Новое литературное обозрение, 2018. — 256 с. (Что такое Россия).
2. Словарь иностранных слов / Под ред. И. В. Лехина и проф. Ф. И. Петрова. — М.: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1995. — 855 с.
3. *Примаков Е. М.* Встречи на перекрестках. — М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2016. — 607 с.
4. *Минакир П. А.* Региональные стратегии и имперские амбиции // *Пространственная экономика*. — 2015. — № 4. — С. 7–11.
5. *Татаркин А. И., Татаркин Д. А.* Саморазвитие регионов в контексте федеративных отношений // *Пространственная экономика*. — 2008. — № 4. — С. 60–70.
6. Оценка потенциала саморазвития региональной экономики и повышение ее эффективности на основе интеграции территорий в рамках макрорегиональной интеграции / Бородин В. А., Мачин К. А., Любичка В. А., Ерохин А. В. // *Вопросы региональной экономики*. — 2017. — № 3 (32). — С. 18–25.
7. Экономическая интеграция: пространственный аспект / Общ. Ред. П. А. Минакир; Рос. акад. наук. Дальневосточное отд.-е. Ин-т экон. исследований. — М.: ЗАО «Издательство „Экономика”», 2004. — 352 с.
8. *Лажнецов В. Н.* Комплексное исследование экономической интеграции. О книге «Экономическая интеграция: пространственный аспект» // *Пространственная экономика*. — 2005. — № 4. — С. 165–173.
9. *Беляевская-Плотник Л. А., Сорокина Н. Ю.* Подходы к оценке уровня экономической интеграции регионов в системе национальной экономической безопасности // *Экономические науки*. — 2017. — № 151. — С. 39–42.
10. *Díez-Minguela A., Martínez-Galarraga J., Tirado-Fabregat D.* Why did Spanish regions not converge before the civil war? Agglomeration economies and (regional) growth revisited // *Revista De Historia Económica. Journal of Iberian and Latin American Economic History*. — 2015. — Vol. 34, № 3. — P. 417–448. — DOI: 10.1017/S0212610915000300.
11. Формирование каркаса экономической безопасности в аспекте обеспечения устойчивого развития региона / Под науч. ред. члена-корреспондента РАН В. П. Чичканова, д-ра экон. наук А. А. Куклина. — Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2017. — 432 с.
12. Риски для благосостояния в регионах. Диагностика и управление. На примере УрФО / Куклин А. А., Тырсин А. Н., Печеркина М. С., Никулина Н. Л. // *Пространственная экономика*. — 2018. — № 2. — С. 36–51.
13. *Важенин С. Г., Важенина И. С.* Эволюция территориальной конкуренции и сотрудничества территорий // *Журнал экономической теории*. — 2017. — № 1. — С. 82–93.
14. *Amabile A., Bernard C., Epaulard A.* Une evaluation de la coherence economique interne des region // *Document de travail [En ligne]*. — 2015. — № 01. — 58 p. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.strategie.gouv.fr/publications/une-evaluation-de-coherence-economique-interne-regions> (дата обращения 10.12.2018).
15. *Земцов С. П., Бабурин В. Л.* Оценка потенциала экономико-географического положения регионов России // *Экономика региона*. — 2016. — Т. 12, вып. 1. — С. 117–138. — DOI: 10.17059/2016-1-9.

16. Курушина Е. В., Петров М. Б. Критерии успешности проектов пространственного развития на основе пространственного развития на основе межрегиональной интеграции // Экономика региона. — 2018. — Т. 14, Вып. 1. — С. 176–189. — DOI: 10.17059/2018–1–14.
17. Курушина Е. В. Об интеграции и синхронизации экономического развития // Вестник Волгоградского государственного университета. Экология. — 2015. — № 3 (32). — С. 142–153. — (3. Экономика).
18. Витте С. Ю. Избранные воспоминания, 1849–1911 гг. — М. : Мысль, 1991. — 708 с.
19. Малинов А., Пешперова И. Областничество в исторической ретроспективе // Новое литературное обозрение. — 2015. — № 3 (133). — С. 101–111.
20. Клейнер Г. Б. Новая теория экономических систем и ее приложения // Вестник Российской академии наук. — 2011. — Т. 81, № 9. — С. 794–811.
21. Lefebvre H. La production de l'espace. Paris: Economica, 2000. — 512 p.
22. Kourtiti K., Nijkamp P. Exploring «The New Urban World» // The Annals of Regional Science, Springer; Western Regional Science Association. — 2016. — Vol. 56. — № 3. — P. 591–596. — DOI: 10.1007/s00168–015–0717–6.
23. Urry J. What is the Future? — Cambridge: Polity, 2016. — 200 p.
24. Plane D. Regional science in a physical/virtual more/less world // The Annals of Regional Science, Springer; Western Regional Science Association. — 2016. — Vol. 57. — № 2–3. — P. 437–455. — DOI: 10.1007/s00168–016–0781–6.
25. De Vos D., Meijers E., van Ham M. Working from home and the willingness to accept a longer commute // The Annals of Regional Science, Springer; Western Regional Science Association. — 2018. — Vol. 61. — № 2. — P. 375–398. — DOI: 10.1007/s00168–018–0873–6.
26. Schenk F.B. Russlands Fahrt in die Moderne: Mobilität und sozialer Raum im Eisenbahnzeitalter (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europas). — Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 2014. — 456 s.
27. Veltz P. Introduction — Regions and territories: Evolutions and changes // Economie et Statistique. — 2017.— № 497–498. — P. 5–17. — DOI: 10.24187/ecostat.2017.497d.1927.
28. Нефедкин В. И. Корпоративный фактор в развитии ресурсных регионов. Основные тенденции и возможности управления // Ресурсные регионы России в «новой реальности» / Под ред. акад. Кулешова В. В. — Новосибирск : Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. — С. 160–201.

Информация об авторе

Мельникова Татьяна Борисовна — кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента, туризма и гостиничного бизнеса, Российский экономический университет имени Г. В. Плеханова, Севастопольский филиал, (Российская Федерация, 299053, г. Севастополь, ул. Вакуленчука, 29; e-mail: tmln82@mail.ru).

For citation: Melnikova, T. B. (2019). Model of the Russian Regions' Economic Integration: Its Structure and Performance Criteria. *Ekonomika regiona [Economy of region]*, 15(4), 1063–1076

T. B. Melnikova

Sevastopol Branch of Plekhanov Russian University of Economics (Sevastopol, Russian Federation; e-mail: tmln82@mail.ru)

Model of the Russian Regions' Economic Integration: Structure and Performance Criteria

Modern technologies shape new mechanisms for accumulation and redistribution of capital, increasing the importance of an individual as an economic agent in the processes of integration. Moreover, they create conditions for moving beyond the “centre-periphery” system in the differentiation of the integration processes. Considering the stated assumptions, I propose a new structure of the model of the Russian regions' economic integration and develop its performance criteria. The article is based on the methodology of the new theory of economic systems, empirical and statistical research methods. For testing, I used the data of the Central Bank of Russian Federation, the SPARK Information Resource, Federal State Statistics Service, and portals of social media analytics. The proposed model includes object, spatial, process and project economic integrations. The key objects of the economic integration are the individual and the community. Economic integration is impossible without the spatial integration that includes urban and virtual space. Project economic integration is based on assessing the dynamics of the resources' accumulation by the population and communities. The target level of the region's participation in the economic integration is efficient, if each of the performance criteria does not exceed 20 %. The model's testing allowed structuring the Russian regions by the level of the economic integration's performance. Spatial economic integration was identified as one of the least problematic subsystems for all regions. Most of the Russian regions are characterised by the underperformance of the process economic integration, manifested either in the low efficiency of the internal federal labour migration, or in the local population's integration inactivity. One third of the regions is influenced by inter-federal integration processes. The results of the project economic integration indicate two large groups of the Russian regions. One group achieved the performance criterion, while the other is characterised by the prevalence of the population's capital accumulation over the organizations' accumulation.

Keywords: region, capital accumulation, labour mobility, space, economic system, economic security, process economic integration, object economic integration, spatial economic integration, project economic integration

References

1. Krom, M. M. (2018). *Rozhdenie gosudarstva: Moskovskaya Rus XV–XVI vekov [The birth of a state. Moscow Rus' of the XV — XVI centuries]*. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie, 256. (In Russ.)

2. Lekhina, I. V. & Petrova, F. I. (1995). *Slovar inostrannykh slov [Vocabulary of the foreign words]*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatelstvo inostrannykh i natsionalnykh slovary, 855. (In Russ.)
3. Primakov, E. M. (2016). *Vstrechi na perekrestkakh [Meetings at the crossroads]*. Moscow: Izdatelstvo Tsentrpoligraf, 607. (In Russ.)
4. Minakir, P. A. (2015). Regionalnye strategii i imperskie ambitsii [Regional strategies and imperial ambitions]. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics]*, 4, 7–11. (In Russ.)
5. Tatarkin, A. I. & Tatarkin, D. A. (2008). Samorazvitie regionov v kontekste federativnykh otnosheniy [Self-Development of the Regions in the Context of Federal Relations]. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics]*, 4, 60–70. (In Russ.)
6. Borodin, V. A., Machin, K. A., Lyubitskaya, V. A. & Erokhin, A. V. (2017). Otsenka potentsiala samorazvitiya regionalnoy ekonomiki i povyshenie ee effektivnosti na osnove integratsii territoriy v ramkakh makroregionalnoy integratsii [Assessment of the potential for self-development of the regional economy and enhancing its effectiveness through integration of territories within the framework of the macro-regional agglomeration]. *Voprosy regionalnoy ekonomiki [Problems of regional economy]*, 3(32), 18–25. (In Russ.)
7. Minakir, P. A. (2004). *Ekonomicheskaya integratsiya: prostranstvennyy aspekt [Economic integration: space aspect]*. Moscow: Izdatelstvo «Ekonomika», 352. (In Russ.)
8. Lazhentsev, V. N. (2005). Kompleksnoe issledovanie ekonomicheskoy integratsii (o knige «Ekonomicheskaya integratsiya: prostranstvennyy aspekt») [Comprehensive Research on Economic Integration (on the book «Economic Integration: Spatial Aspect»)]. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics]*, 4, 165–173. (In Russ.)
9. Beliaevskaya-Plotnik, L. A. & Sorokina, N. Yu. (2017). Podkhody k otsenke urovnya ekonomicheskoy integratsii regionov v sisteme natsionalnoy ekonomicheskoy bezopasnosti [Approaches to assessment of level of economic integration of regions in the system of a national economic safety]. *Ekonomicheskije nauki [Economic sciences]*, 151, 39–42. (In Russ.)
10. Díez-Minguela, A., Martínez-Galarraga, J. & Tirado-Fabregat, D. (2015). Why did Spanish regions not converge before the civil war? Agglomeration economies and (regional) growth revisited. *Revista De Historia Económica. Journal of Iberian and Latin American Economic History*, 34(3), 417–448. DOI: 10.1017/S0212610915000300.
11. Chichkanov, V. P. & Kuklin, A. A. (Eds.). (2017). *Formirovanie karkasa ekonomicheskoy bezopasnosti v aspekte obespecheniya ustoychivogo razvitiya regiona [Shaping the framework of the economic security in the context of the region's sustainable development]*. Ekaterinburg: Institute of Economics UB of RAS., 432. (In Russ.)
12. Kuklin, A. A., Tyrsin, A. N., Pecherkina, M. S. & Nikulina, N. L. (2018). Riski dlya blagosostoyaniya v regionakh: diagnostika i upravlenie (na primere UrFO) [Risk Diagnostics and Management for Welfare in Regions (in the Example of the Ural Federal District)]. *Prostranstvennaya ekonomika [Spatial Economics]*, 2, 36–51. (In Russ.)
13. Vazhenin, S. G. & Vazhenina, I. S. (2017). Evolyutsiya territorialnoy konkurentsii i sotrudnichestva territoriy [The Evolution of the Territorial Competition and Interterritorial Cooperation]. *Zhurnal Ekonomicheskoy teorii [Russian Journal of the Economic Theory]*, 1, 82–93. (In Russ.)
14. Amabile, A., Bernard, C. & Epaulard, A. (2015). *Une evaluation de la coherence economique interne des region*. Documents de travail de France Stratégie 01, 58. Retrieved from: <https://www.strategie.gouv.fr/publications/une-evaluation-de-coherence-economique-interne-regions> (Date of access: 10.12.2018).
15. Zemtsov, S. P. & Baburin, V. L. (2016). Otsenka potentsiala ekonomiko-geograficheskogo polozheniya regionov Rossii [Assessing the Potential of Economic-Geographical Position for Russian Regions]. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, 12(1), 117–138. DOI: 10.17059/2016-1-9. (In Russ.)
16. Kurushina, E. V. & Petrov, M. B. (2018). Kriterii uspeshnosti proektov prostranstvennogo razvitiya na osnove prostranstvennogo razvitiya na osnove mezhterritorialnoy integratsii [Performance Criteria of Spatial Development Projects Based on Interregional Integration]. *Ekonomika regiona [Economy of Region]*, 14(1), 176–189. DOI: 10.17059/2018-1-14. (In Russ.)
17. Kurushina, E. V. (2015). Ob integratsii i sinkhronizatsii ekonomicheskogo razvitiya [On the integration and synchronization of the economic development]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 3. Ekonomika. Ekologiya. [Science Journal of Volgograd State University. Global Economic System]*, 3(32), 142–153. (In Russ.)
18. Vitte, S. Yu. (1991). *Izbrannye vospominaniya 1849–1911 [Selected memories. 1849–1911]*. Moscow: Mysl, 708. (In Russ.)
19. Malinov, A. & Peshperova, I. (2015). Oblastnichestvo v istoricheskoy retrospektive [Regionalism in Historical Retrospective]. *Novoe literaturnoe obozrenie [Russian Studies in Literature]*, 3(133), 101–111. (In Russ.)
20. Kleyner, G. B. (2011). Novaya teoriya ekonomicheskikh sistem i ee prilozheniya [New theory of economic systems and its applications]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk [Herald of the Russian Academy of Sciences]*, 81(9), 794–811. (In Russ.)
21. Lefebvre, H. (2000). *La production de l'espace*. Paris: Economica, 512.
22. Kourtit, K. & Nijkamp, P. (2016). Exploring «The New Urban World». *The Annals of Regional Science*, 56(3), 591–596. DOI: 10.1007/s00168-015-0717-6.
23. Urry, J. (2016). *What is the Future?* Cambridge: Polity, 200.
24. Plane D. (2016). Regional science in a physical/virtual more/less world. *The Annals of Regional Science*, 57(2–3), 437–455. DOI: 10.1007/s00168-016-0781-6.
25. De Vos, D., Meijers, E. & Van Ham, M. (2018). Working from home and the willingness to accept a longer commute. *The Annals of Regional Science*, 61(2), 375–398. DOI: 10.1007/s00168-018-0873-6.

26. Schenk, F. B. (2014). *Russlands Fahrt in die Moderne: Mobilität und sozialer Raum im Eisenbahnzeitalter (Quellen und Studien zur Geschichte des östlichen Europas)*. Stuttgart: Franz Steiner Verlag, 456.

27. Veltz, P. (2017). Introduction — Regions and territories: Evolutions and changes. *Economie et Statistique*, 497–498, 5–17. DOI: 10.24187/ecostat.2017.497d.1927.

28. Nefedkin, V. I. (2017). Korporativnyy faktor v razvitii resursnykh regionov: Osnovnye tendentsii i vozmozhnosti upravleniya [Corporate factor in the development of resource regions: the main trends and opportunities of management]. In: V. V. Kuleshov (Ed.), *Resursnye regiony Rossii v «novoy realnosti» [Resources regions in a «new reality»]* (pp. 160–201). Novosibirsk: Izd-vo IEHOPP SO RAN. (In Russ.)

Author

Tatyana Borisovna Melnikova — PhD in Economics, Associate Professor, Department for Management, Tourism and Hospitality, Sevastopol Branch of Plekhanov Russian University of Economics (29, Vakulenchuka St., Sevastopol, 299053, Russian Federation; e-mail: tmln82@mail.ru).